

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

КЛИКУШИ ИЛИ ЛИЦЕМЕРНО БЕСНУЮЩИЕСЯ

ОБРАЩАЯСЬ К ДОРЕВОЛЮЦИОННОМУ ОПЫТУ

Павел Георгиевич Носачёв

кандидат философских наук
профессор кафедры богословия Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
pavel_nosachev@bk.ru

Для цитирования: Носачёв П. Г. Кликуши или лицемерно беснующиеся: обращаясь к дореволюционному опыту // Богословский вестник. 2023. № 1 (48). С. 312–332. DOI: 10.31802/GB.2023.48.1.015

Аннотация

УДК 159.97 (616.89)

Через обращение к опыту дореволюционной психиатрии предлагается пересмотреть устоявшееся представление о кликушестве как исключительно притворном бесновании. Основой для анализа избрано самое крупное исследование кликушества тех лет – монография Н. В. Краинского «Порча, кликуши и беснование как явления русской народной жизни». Через сопоставление труда Краинского с работами его современников (А. А. Токарского, М. П. Никитина, М. Ю. Лахтина, В. С. Яковенко, А. Д. Коцовского) показана оригинальность его идей. В статье теория Краинского рассматривается в историко-культурном контексте, устанавливается, что фоном для её развития послужили представления об индуцированном психозе, развитые С. И. Штернбергом, В. И. Яковенко, В. М. Бехтеревым и истерическая концепция невроза Ж.-М. Шарко. Проведён подробный анализ исследования Краинского и доказано, что он выдвинул оригинальную концепцию кликушества как социального расстройства, не связанного с эпилепсией и истерией, но и не притворного, припадки кликуш Краинский объясняет чрезвычайной внушаемостью психики. Концепция Краинского сопоставляется с классическими западными исследованиями одержимости (Т. Остеррайх, И. Льюис) и показывается, что ему удалось предвосхитить их идеи. Делается вывод о том, что если следовать логике Краинского о чрезвычайной силе, с которой паттерны поведения одержимых закрепляются у людей, посещающих такие мероприятия, то необходимо максимально ограничивать круг лиц, который может участвовать в подобных действиях.

Ключевые слова: одержимость, кликушество, психиатрия, психология религии, экзорцизм, отчитка, гипноз, истерия, психологические эпидемии

Devilskins or Hypocritically Raging: Referring to the Pre-Revolutionary Experience

Pavel G. Nosachev

PhD in Philosophy

Professor at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141312, Russia

pavel_nosachev@bk.ru

For citation: Nosachev, Pavel G. "Devilskins or Hypocritically Raging: Referring to the Pre-Revolutionary Experience". *Theological Herald*, no. 1 (48), 2023, pp. 312–332 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.48.1.015

Abstract. Through an appeal to the experience of pre-revolutionary psychiatry, it is proposed to revise the well-established idea of klikushestvo as a false possession. The article is focused on the analysis of the most substantial of all prerevolutionary researches of the topic – monograph by N. V. Krainsky «Evil Eye, Klikushi and Possession as Phenomena of Russian Folk Life». Through the comparison of Krainsky's work with the works of his contemporaries (A. A. Tokarsky, M. P. Nikitin, M. Y. Lakhtin, V. S. Yakovenko, A. D. Kotsovsky), the originality of his ideas is shown. The article examines Krainsky's theory in a historical and cultural context, it is shown that the background for its development was the ideas about induced psychosis developed by S. I. Sternberg, V. I. Yakovenko, V. M. Bekhterev and the hysterical concept of neurosis by J.-M. Charcot. A detailed analysis of Krainsky's research has been carried out and it is proved that he created the original concept of klikushestvo as a social disorder not related to epilepsy and hysteria, Krainsky explains klikushi's seizures with extreme suggestibility of the psyche. Krainsky's concept is compared with classical Western studies of possession (T. Osterreich, I. Lewis), it is shown that he managed to anticipate their ideas. It is concluded that if we follow Krainsky's logic about the extreme force with which patterns of behavior of the possessed are fixed in people attending public exorcisms, then it is necessary to limit as much as possible the circle of those who can participate in such events.

Keywords: Possession, Klikushestvo, Psychiatry, Psychology of Religion, Exorcism, Hypnosis, Hysteria, Psychological Epidemics, Charcot.

В конце августа 2022 г. на официальном сайте Межсоборного Присутствия появился проект документа «Отношение Русской Православной Церкви к современным практикам экзорцизма»¹. Нельзя не признать его своевременность и взвешенность некоторых формулировок. В тексте, в частности, говорится о феномене кликуш, или «лицемерно беснующихся», но проблема в том, что лицемерное беснование оказывается не таким однозначным явлением, как можно заключить из документа. Для более глубокого понимания проблемы, с которой здесь сталкивается Церковь, стоит обратиться к опыту дореволюционной науки, причём науки светской: возможно, её оригинальный опыт даст новую пищу для размышления в рассмотрении непростой проблемы.

Кликушество как объект исследования

В конце XIX — начале XX в. в России в среде психиатров наблюдалась волна интереса к проблеме кликушества, вследствие чего появились исследования, посвящённые этому феномену. Среди наиболее известных трудов необходимо назвать в первую очередь работы А. А. Токарского², М. П. Никитина³, М. Ю. Лахтина⁴, В. С. Яковенко⁵, А. Д. Коцовского⁶. Значительная их часть была основана на конкретном эмпирическом материале. Психиатры либо описывали случаи, полученные ими из первых рук, либо сами работали с кликушами в больницах, наблюдали одержимость в монастырях, храмах, деревнях. Среди всех вышедших в этот период трудов книга «Порча, кликуши и беснование как явления

- 1 Проект документа «Отношение Русской Православной Церкви к современным практикам экзорцизма». URL: <https://msobor.ru/document/54>
- 2 *Токарский А. А.* Отчитывание больных в настоящее время // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1904. № 1 (Приложение на правах рукописи). С. 1–30.
- 3 *Никитин М. П.* К вопросу о кликушестве // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1903. № 9. С. 656–668.
- 4 *Лахтин М. Ю.* Бесоодержимость в современной деревне. Историко-психологическое исследование // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 102. С. 141–184.
- 5 *Яковенко В. С.* Психическая эпидемия на религиозной почве в Ананьевском и Тираспольском уездах Херсонской губ. // Современная психиатрия. 1911. Март. С. 191–198; Апрель. С. 221–244.
- 6 *Коцовский А. Д.* О так называемом «Балтском движении» в Бессарабии // Труды Бессарабского общества естествоиспытателей и любителей естествознания. 1912. Т. 3. С. 147–180.

русской народной жизни»⁷ доктора психиатрии и директора Колмовской психиатрической больницы Николая Васильевича Краинского (1869–1951 гг.) представляет немалый интерес по многим причинам. Во-первых, это наиболее обстоятельный труд⁸, в котором автор делает попытку вписать явление кликушества в широкий социально-исторический контекст. Во-вторых, на момент проведения исследования Краинский обладал солидным врачебным опытом: защитив докторскую диссертацию в Московском университете, он год стажировался в швейцарской клинике под руководством Роберта Бинсвангера⁹, а затем в Императорской военно-медицинской академии у В. М. Бехтерева. Он всерьёз интересовался проблемой психического заражения (его диссертация затрагивала этот вопрос) и наблюдал поведение людей во время холерных бунтов на Кавказе и в Харьковской области. Исследование Краинский написал на основе собственного изучения двух эпидемий кликушества в Гжатском уезде Смоленской губернии и в Тихвинском уезде Нижегородской, куда был командирован для расследования. В-третьих, на основании изученного материала Краинский обосновал оригинальную гипотезу о сущности кликушества, в корне отличную от общепринятого диагноза. Значение исследования Краинского никогда не оспаривалось. Например, такой авторитетный учёный, как Бехтерев, считал именно эту работу наиболее полным исследованием явления кликушества и отсылал к ней всех заинтересованных этой темой¹⁰. Т. Попов, написавший книгу «Русская народно-бытовая медицина»¹¹, посвятил последнюю её главу феномену кликушества, треть текста скопировал из Краинского¹². Таким образом, исследование Краинского является уникальным опытом в изучении неординарного феномена, стоящего на границе психологии и религии. О дореволюционной традиции из-

- 7 Краинский Н. В. Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород, 1900.
- 8 Труд Краинского – единственная монография, посвящённая феномену кликушества, работы его коллег – это либо статьи, либо главы в исследованиях, не превышающие нескольких десятков страниц.
- 9 Отца Людвиг Бинсвангера.
- 10 См.: Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. Санкт-Петербург, 1903. С. 67.
- 11 Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. Санкт-Петербург, 1903.
- 12 Попов дословно воспроизводит общую характеристику распространения кликушества в России, правда, не ссылаясь на Краинского, повторяет его мысли о самовнушении как механизме, запускающем болезнь, о заразительном характере экспрессивных припадков (с. 378–380), о сомнамбулизме кликуш (с. 385), амнезии после припадка и способностях к ясновидению (с. 382–383).

учения кликушества у нас писали не раз, среди работ на эту тему есть и качественные обзоры¹³, в которых затрагивается и рассматриваемая книга, но, на наш взгляд, этот самобытный труд вполне заслуживает специального изучения, в котором логика рассуждений автора будет подана без купюр, неизбежных при кратком изложении, а его идеи соотнесены с научными тенденциями эпохи.

Научно-исторический контекст

Исследование Краинского, как и большинство психиатрических трудов по данной теме рубежа веков, покоится на границе двух научных традиций: отечественной и зарубежной.

В российской психиатрии со второй половины XIX века стала развиваться концепция индуцированного помешательства, впервые предложенная в трудах маститых психиатров, стоящих у истоков российской науки — С. И. Штейнберга и В. И. Яковенко¹⁴. Суть этого расстройства можно обобщить характеристикой И. П. Кавиновой:

«...индуцированный психоз обладает повышенной степенью заразительности, высоким уровнем внушаемости, имеет в качестве источника индуктора, то есть провокатора какой-то навязчивой идеи, девиантного поведения <...> удаление индуктора (его помещение в психиатрическую клинику) или контрмеры (разоблачение индуктора-провокатора) может решить проблему прекращения такого рода эпидемии»¹⁵.

Старший коллега Краинского, Ардалион Токарский, один из самых основательных исследователей гипноза в России¹⁶, в 1893 г. прочёл в Московском университете лекцию «Психические эпидемии». Причиной распространявшихся во все века приступов безумия, охватывавших

- 13 См., например: *Мельникова Е. А.* Отчитывание бесноватых: практики и дискурсы // Антропологический форум. № 4. С. 220–263.
- 14 Штейнберг был одним из первых русских психиатров, обративших особое внимание на проблему кликушества, см.: *Штейнберг С. И.* Кликушество и его судебно-медицинское значение // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. № 2. С. 64–81.
- 15 *Кавинова И. П.* Психическая эпидемия как социальный феномен // Гуманитарный вестник. 2018. № 9 (71). С. 6.
- 16 Изучать гипноз Токарский начал во время своего европейского турне, когда он познакомился с экспериментальной психологией Вундта в Лейпциге и с гипнотическими экспериментами французских учёных. Токарский освоил практику гипноза одновременно двух тогдашних школ: Шарко в Сальпетриер и Бернгейма в Нанси.

значительные круги населения, он считал социальные условия: «бедность психического содержания, ограниченность интересов, отсутствие критики <...> невежество во всех его проявлениях»¹⁷, которые, вкуче с влиянием людей друг на друга в толпе, способны приводить к психической заражаемости, охватывающей «человека с силой, превосходящей силу его сопротивляемости»¹⁸. Решающую роль в процессе передачи такого заражения играют зрение и слух, мимические и физические движения, резкие крики. Само по себе подобное воздействие неудивительно, оно напрямую связано с внушаемостью человека, то же самое происходит и при использовании гипноза, ведь волнение, производимое процессом гипнотизирования, как замечает он в другом исследовании, «распространялось и на тех, которые видели и слышали об этих опытах»¹⁹.

Один из наставников Краинского, ведущий психиатр В. М. Бехтерев, развил идеи Токарского. В своей лекции 1897 г. «Внушение и его роль в общественной жизни» Бехтерев высказал убеждение, что, помимо изученного явления физического заражения, существует не менее опасное заражение психическое. Оно способно воздействовать «через слова, жесты и движения окружающих лиц, через книги, газеты»²⁰, существование этого заражения сопряжено с проблемой психического внушения, природу которого учёные стали приоткрывать благодаря экспериментам с гипнозом. Согласно мысли Бехтерева, наблюдаемые в истории психические эпидемии, будь то охватившие большие толпы народа конвульсивные движения, типа пляски св. Витта, или представления об одержимости, имеют в основе один и тот же механизм психической восприимчивости, связанный с ослаблением воли и резким внешним воздействием.

Таким образом, к концу XIX в. в России сложилась концепция психических эпидемий, порождающими условиями которых считались: низкий уровень просвещения и культуры, психология толпы, повышенная внушаемость, связанная с воздействием на органы слуха и зрения. Эти идеи нашли выражение в целом ряде исследований, посвящённых эпидемиям кликушества, в частности в трудах Коцовского, Лахтина и в рассматриваемой нами работе Краинского.

17 Токарский А. А. Психические эпидемии // Вопросы философии и психологии. 1891. Год IV. Кн. 5 (20). С. 204.

18 Там же. С. 211.

19 Токарский А. А. О вредном влиянии гипнотизирования. Санкт-Петербург, 1889. С. 5.

20 Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. С. 5.

Исследования гипнотизма, сыгравшие для отечественных учёных значительную роль в выявлении причин психических эпидемий, были напрямую связаны с огромной популярностью Ж.-М. Шарко, этого «наполеона невроза»²¹. Шарко стал известен тем, что с помощью техники гипноза научился управлять симптомами и целыми припадками своих пациенток, лечившихся в клинике Сальпетриер. Именно Шарко популяризировал истерию как широкий медицинский диагноз, имеющий значительную связь с религиозными феноменами. По мнению исследователей, для Шарко связь старого понятия истерия с некоторыми наблюдаемыми физическими симптомами «...служила доказательством того, что истерия не была новой научной конструкцией, искусственно созданной для оправдания некоторых сомнительных техник (гипноз) амбициозного невролога. Вместо этого он утверждал, что истерия — болезнь, которая существовала на протяжении всей истории, проявляясь в религиозных формах»²². Для легитимации своей теории Шарко изучал древнюю демонологическую литературу и создал объёмное исследование, посвящённое одержимости в искусстве, где в изображениях одержимых на полотнах Рембрандта или Рафаэля выявлял характерные для истерии симптомы. В то же время Шарко изучал современную ему религиозную жизнь, стремясь приписать феномен исцелений с помощью веры гипнотическому воздействию. В 1893 г. он написал работу «Исцеление верой», посвящённую уникальному психическому воздействию таких древних святилищ, как Асклепион в Афинах. Подытожил её Шарко следующим утверждением: «...таким образом, осуществление исцеления верой с незапамятных времён во всех широтах, среди язычников, христиан и мусульман, носило один и тот же характер»²³, источником исцеления служило нервное потрясение эмоционального типа, а больные были на самом деле истериками, поддающимися действию самогипноза. По мнению критиков, этот текст носил не столько исторический, сколько полемический характер и в первую очередь был направлен на указание психологических причин современных Шарко исцелений в Лурде.

21 Элленбергер Г. Открытие бессознательного-1: История и эволюция динамической психиатрии от первобытных времен до психологического анализа. Москва, 2018. С. 135.

22 Westerink H. Demonic Possession and the Historical Construction of Melancholy and Hysteria // *History of Psychiatry*. 2014. Vol. 25 (3). P. 337.

23 Цит. по: Edelman N. Gustave Boissarie, Jean-Martin Charcot and Sigmund Freud. Three Doctors' Responses to Some Unusual Bodily Phenomena: Convergences and Divergences / Sign or Symptom? Exceptional Corporeal Phenomena in Religion and Medicine in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Leuven, 2017. P. 47.

В истерическом припадке, так называемой «великой истерии», Шарко выделял четыре этапа: эпилептоидный, фазу одержимости, сопровождающуюся сильными изгибами всего тела, в частности истерической дугой (ныне этот приём — любимый кинематографический маркер одержимости), фазу страстного экстаза и бреда. Поскольку изначальной целью Шарко было различение истерических и эпилептических конвульсий, то он подробно описал симптоматику истерического расстройства. Работая с гипнозом, он выделил в состоянии гипнотизируемого три фазы: летаргию, каталепсию и сомнамбулизм. Именно последняя позволяла гипнотизёру давать команды больному, беспрекословное исполнение которых приводило к перемещению психоневрологических симптомов болезни, изменению поведения больных и порой к излечению. Благодаря открытым лекциям Шарко снискал себе и своим теориям всемирную популярность. Именно под его влиянием Фрейд увлёкся гипнозом.

Поскольку для Шарко одержимые во все века были истериками, на которых благотворное влияние оказывала шоковая терапия религиозных святых, то неудивительно, что в российской науке конца века сложился консенсус в отношении причины кликушества. Общим убеждением было её истерическое происхождение. Так, Токарский утверждал, что «почти исключительно бредом несоодержимости заболевают истеричные»²⁴, разделял эту идею и Бехтерев, оценивая кликушество как «болезненное состояние, основу которого составляет истерический невроз»²⁵. С ними были согласны и исследователи более позднего периода: М. Ю. Лахтин, изучавший кликуш в Московской губернии летом 1909 г., убеждён, что «истерия может имитировать всякую болезнь <...> в русской деревне, где чрезвычайно живучи демонические верования и где рассказы о бесноватых передаются из уст в уста с мельчайшими подробностями, истерия принимает характер кликушества»²⁶; А. Д. Коцовский, расследовавший эпидемию на территории Бессарабии, называл кликушество истерическим психозом; исследователи-теоретики также признавали верность диагноза, например, М. П. Никитин писал, что «кликушество представляет собой заболевание, основу которого составляет истерический невроз»²⁷. Этот консенсус замечательно иллюстрирует дух времени, а также позволяет задуматься о проблеме

24 Токарский А. А. Психические эпидемии. С. 219.

25 Краинский Н. В. Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. С. 11.

26 Лахтин М. Бесоодержимость в современной деревне. С. 174.

27 Никитин М. П. К вопросу о кликушестве. С. 659.

социального конструирования психиатрических диагнозов. Ведь довольно скоро после смерти Шарко было доказано, что такой болезни, как истерия, не существует, припадки его больных были отрететированными спектаклями, которые отчасти злонамеренно, а отчасти невольно готовили его ученики и коллеги, когда работали с внушаемыми больными²⁸. То же касается и его практики гипноза. Например, известный психиатр Жане показал, что «описанные Шарко “три стадии гипноза” были не чем иным, как результатом обработки <...> его больных»²⁹. Ныне достижения Шарко как психиатра современной наукой не признаются, отсюда возникает вопрос об адекватности оценки всего феномена кликушества в России с приложением к нему аппарата Шарко.

Подытожим: к концу XIX в. сущность кликушества видели в истерическом неврозе, который благодаря внушаемости больных передаётся по аналогии с бактериологическими эпидемиями. Особая внушаемость имеет прямую связь с уровнем образования и культуры, поэтому подвержены этому недугу маргинальные слои населения, зачастую почти не просвещённые, но на которых значительное влияние оказывает церковь.

Содержательный кентавр

Хотя целью Краинского было создание всестороннего исследования темы кликушества, его труд производит впечатление содержательного кентавра. Первые три главы исследования посвящены религиозно-этнографическому рассмотрению феномена одержимости. Они полностью покоятся на достижениях тогдашней зарубежной кабинетной антропологии, представленной кембриджской школой, в первую очередь, в лице Эдуарда Тайлора. Краинский воспроизводит весь набор философских аргументов просветителей, объясняющих феномены одержимости прежде всего тёмным невежеством, суевериями народа, легковерием, не способным отличить сон от яви. Фактически он пересказывает анимистическую теорию возникновения религии, связанную с одушевлением окружающего мира, а затем с локализацией животворной силы внутри человека.

28 Подробнее см.: *Marshall J.W. Performing Neurology: The Dramaturgy of Dr Jean-Martin Charcot*. London, 2016.

29 *Элленбергер Г. Открытие бессознательного-1*. С. 139.

Затем он переходит к очерку истории колдовства. Следуя и здесь мысли Тайлора, он сводит воедино истории об эпидемиях одержимости в Западной Европе, заметки российских этнографов (главным образом Афанасьева и Даля) о русском колдовстве, показывая, что все эти явления объясняются общим невежеством. Обращаясь к истории процессов над ведьмами, он воспроизводит идеи из известного труда Реньяна «Мысленные эпидемии», утверждая, что «безумное ослепление, умственная эпидемия времени охватывает целые государства»³⁰. Краинский прослеживает историю отношения к одержимым на Западе, фиксирует основные симптомы этого расстройства, упоминает о практиках экзорцизма. Вообще, подобные перечни проявлений тёмного невежества были вполне в духе времени, примерно так же построены тексты Бехтерева или Токарского, но монографический формат превращает повествование Краинского в подробный пересказ концепций, которые на деле имеют очень мало общего с его исследованием. Непонятно, осознавал ли это автор, но первые три главы книги являются копированием достаточно поверхностных рассуждений о религии и проблеме одержимости и резко контрастируют со второй эмпирической частью, в которой Краинский не только излагает полученные данные, но и делает смелые утверждения, значительно превосходящие все тривиальные мысли западных исследователей.

Переломной в этом плане является четвёртая глава, где автор начинает подробно разбирать феномен российского кликушества. Это тоже реферат исследований этнографов и психиатров, занимавшихся темой, но уже в самом начале Краинский недвусмысленно утверждает, что русское кликушество имеет мало общего с западной одержимостью, поскольку в восточной Церкви сатана никогда не обретал такого мифологического колорита, как в западной, а русские народные представления связаны, в первую очередь, с колдовством, которое «... как в процессах прошлого века, так и в современных верованиях народа колдовство обходится без чёрта. Оно совершается посредством предметов природы или действий, имеющих таинственную силу»³¹. Следствием этого становится понимание кликушества как явления, вызванного действием колдуна, чаще всего называемого порчей. В народных представлениях о кликушах почти отсутствует понимание того, как и почему злые духи входят в человека, то есть никакой серьёзной демонологии в России не было, обычно всё сводилось к убеждению,

30 Элленбергер Г. Открытие бессознательного-1. С. 25.

31 Там же. С. 36.

что «много их понасажено»³². Кликушество уже по одному своему наименованию отличается от одержимости, ведь главной чертой кликуши становится выкрикивание имени того, кто её испортил, то есть наслал на неё злого духа. В этой же главе даётся исторический очерк изменения государственного отношения к кликушеству на Руси: от убеждения в реальности порчи при последних Рюриковичах до скептицизма по отношению к болезни в правление Петра I.

Далее Краинский каталогизирует сюжеты, связанные с поведением кликуш, где несложно обнаружить общие закономерности: у женщины или молодой девушки внезапно начинаются припадки (она бьётся в конвульсиях, скрежещет зубами, пускает пену ртом, впадает в обморочное состояние), особенно обостряющиеся при контактах со святынями (участии в крестном ходе, паломничестве к чудотворной иконе, богослужении, чаще всего припадок начинается во время Херувимской песни), через какое-то время припадки начинают сопровождаться вызывающим поведением, больная кричит, подражает звукам животных, затем она начинает говорить от имени вошедшего в неё духа, ругается нецензурной бранью, богохульствует, после того как всем становится ясно, что женщина стала кликушей, к ней начинают обращаться с вопросами (в народе бытовало поверие о пророческом даре кликуш), среди которых чаще всего задаётся вопрос о том, кто её испортил. Кликуши начинают указывать на колдуна или колдунью, а народ, охваченный жадой помочь и себе, и ей, стремится избавиться от колдунов. Немалую роль в историях играют попытки излечить кликушу: подведение её к святыням, частое причащение, порой насильное отчитывание, которое может совершаться знахарями, раскольниками или священниками. Нередко бывало, что эксперты, проведённые психиатрами, а порой и деревенская смекалка выявляли притворство кликуш. Причиной этого было то, что по социальному статусу кликушество в деревнях резко отличалось от иных форм безумия. Сумасшедших считали за людей конченных, вполне возможно, и вовсе лишённых души, кликуш почитали невинными страдальцами, жертвами злых духов и колдунов. Если душевнобольного могли посадить на цепь или заставить трудиться до изнеможения, то кликушу, напротив, всячески оберегали, не давая ей лишний раз трудиться, часто отпускали в паломничества для исцеления, поэтому участь кликуши в деревне вполне могла показаться некоторым завидной, в особенности девушкам и женщинам без перспектив хорошего замужества.

Теория Краинского

Уже в четвёртой главе в компилятивный по содержанию текст входит одна из основных для всей книги авторских идей. Используя большое количество документально подтверждённых примеров, он показывает, что кликушество не просто болезненное расстройство личности, в русских деревнях оно зачастую являлось триггером психических эпидемий, выражавшихся как в появлении в одной местности десятков кликуш, так и в кровавых расправах над колдунами, чьи имена выкликивались больными. Для иллюстрации страшной абсурдности подобных действий имеет смысл привести некоторые примеры Краинского *in extenso*:

«Крестьянин Никифоров просил крестьян защитить его жену от Игнатёвой, которая будто бы собирается её испортить, как об этом выкликала больная Екатерина Иванова. Игнатёву заперли в хате заколотили окна и сожгли. 8-х участников приговорили к церковному покаянию, остальные признаны невиновными. В селении Талуши, Сухумского округа, у одной старой вдовы скоропостижно умер младший сын, а через несколько времени опасно занемог и старший. Больной обратился к ворожее. Ворожея указала на мать как на виновницу его болезни и смерти брата. Соседи развели костёр и стали убеждать мать больного или сознаться в грехах, или добровольно отдать себя на сожжение. Потерявшую от страха способность речи старуху привязали к шести и, как на вертеле, поджаривали, пока она не умерла»³³.

Краинский приводит не одну историю подобного рода, замечая, что нередко имя колдуна выкликается из личной ненависти с целью свести счёты, что делает кликушество социально опасным вдвойне. В этих историях поражает и бесчувствие крестьян к страданиям мнимых колдунов, и страшное искажение религиозных представлений, когда христианские образы смешиваются с крайними формами суеверий. Именно социальная подоплёка кликушества и подтолкнула Краинского взяться за полевое исследование нескольких случаев массовых эпидемий. Им посвящена вторая эмпирическая часть книги.

Краинский занимался расследованием двух случаев: первый был в Гжатском уезде Смоленской губернии в 1898–1899 гг., а второй — в Тихвинском уезде Нижегородской губернии годом позднее.

33 Элленбергер Г. Открытие бессознательного-1. С. 78.

В Смоленской губернии, в поражённой эпидемией деревне Ащепково было двенадцать больных (десять женщин и двое мужчин), а по соседству выявилось ещё семнадцать локальных случаев. В Новгородской губернии больными оказались десять женщин. К работе с кликушами Краинский подходит с удивительной скрупулёзностью, фактически на каждую он составляет целый медицинский отчёт, включающий не только симптомы и протекание болезни, но и образование, социальное и семейное положение, иногда особенности интимной жизни, отношение к религии, личностные черты³⁴.

Краинский детально описывает припадки кликуш, которые он по началу намеренно не пытался остановить, чтобы во всех деталях зафиксировать симптоматику. На основании полученных данных он проводит ранжирование больных, лучше всего оно видно по Ащепковской эпидемии. Первый круг — больные, с которых началась эпидемия. В Ащепково это Василиса Алексеева и Марфа Петрова, обе женщины страдали припадками и выкликали односельчанку Сиклителиню как испортившую их колдунью. Кстати, социальное напряжение в деревне было столь сильно, что семье Сиклителини стали открыто грозить расправой, и её даже пришлось удалить из деревни. Больные первого круга, согласно Краинскому, были вовсе не больными, а хитрыми (в случае Василисы) или не очень (в случае Марфы) притворщицами. Все их действия и припадки были симуляциями, причём в случае Василисы действия полностью контролировались разумом, в случае же Марфы припадок запускался сознательно, но сам процесс уже не контролировался. Первая кликуша Василиса оказалась негипнабельной, а значит, и не могла внушать себе какие-либо болезненные состояния. Третий круг — случайные люди, отнесённые народом к категории больных. Такими оказались двое мужчин, один из которых во время работы в городе некоторое время пролежал в психиатрической больнице и несмотря на то, что был совершенно здоров, причислялся людьми к кликушам, а второй в силу своей малой развитости «в пылу общего возбуждения, охватившего население деревни, струсил... вообразив, что испорчен и он»³⁵. Самым интересным представляется средний круг — не притворщицы, а настоящие кликуши, впадающие в неконтролируемые припадки. Они оказались чрезвычайно гипнабельными: для того чтобы некоторых из них ввести

34 Заметим, что в те годы подробные карточки на больных ещё не были общей нормой. Например, основатель психиатрической нозологии Э. Креппелин разработал свою систему именно благодаря такой картотеке.

35 Там же. С. 155.

в транс, достаточно было просто надавить пальцами на глазные яблоки, их припадки без труда прекращались внушением.

Детальное обследование припадков кликуш второго круга привело к нестандартным выводам. Больные страдали не эпилепсией и не истерией, их припадки состояли из произвольных мышечных сокращений, во время припадка они не полностью теряли сознание, не впадали в параличи, пена, идущая изо рта, была просто взбитой слюной. Кроме того, при равнодушном отношении к припадку со стороны окружающих его тяжесть постепенно сокращалась, порой он мог редуцироваться до тяжёлых вздохов. Распространённое убеждение в том, что больные развивают такую удивительную физическую силу, что и шесть мужчин не могут удержать хрупкую женщину, на поверку оказалось заблуждением. Краинский доказывает, что в одиночку легко мог держать любую кликушу, бьющуюся в припадке, и что мышечные сокращения у неё по силе значительно уступали конвульсиям истериков или эпилептиков, а убеждённость в удивительной силе связана с пугающим поведением и отсутствием опыта обращения с больными у окружающих людей. Лишь амнезия, гипнабельность и резкая смена типа поведения указывали на то, что больные действительно находились в каком-то изменённом состоянии сознания, не управляя собой. На основании рассмотренных случаев Краинский пришёл к убеждению, что кликушество не имеет ничего общего с истерией, более того, сам психологический профиль изученных женщин был вовсе не показно-театральный, как это обычно бывало у истеричек, эти женщины искренне страдали от своего состояния, не имея «эгоизма, свойственного истеричным»³⁶.

Объяснение кликушества Краинский строит на идее сомнамбулизма. Основную группу кликуш он определяет как «типичных сомнамбул в смысле Шарко»³⁷, главной их проблемой была чрезвычайно лёгкая внушаемость. Это, с одной стороны, позволяло получать быстрый гипнотический эффект, купировать припадки и внушать отсутствие их в будущем, но, с другой, такие кликуши с лёгкостью поддавались и общественному влиянию, а поскольку односельчане скептически относились к способностям врача, то благодаря контрвнушению коллектива припадки легко возвращались³⁸. Согласно Краинскому, внушаемость

36 Эллиенбергер Г. Открытие бессознательного-1. С. 229.

37 Там же. С. 140.

38 В Ащепково Краинскому удалось исцелить шестерых кликуш. Контрольным экспериментом, с помощью которого он решил проверить результат, стал молебен приглашённого из соседнего села священника. Во время молебна некоторые кликуши (четверо из десяти больных),

и есть причина того, что женщины начинают болеть кликушеством, здесь роль играет социальная атмосфера и запоминающееся поведение первых кликуш-притворщиц. Они и создают образец, по которому потом начинают вести себя сомнамбулы.

Поскольку кликуши оказались гипнабельными, Краинский провёл с ними целую серию экспериментов, которые в целом подтвердили исследования его коллег. Ещё Бехтерев, экспериментируя с гипнозом, пришёл к убеждению, что «даже в гипнозе личность не вполне устраняется, она только потухает в известной мере и, встречая внушение, противное убеждению, противодействует ему в той или другой мере»³⁹. Он, например, смог внушить своему другу запрет на курение, но не смог заставить его совершить аморальное действие. То же было и с кликушами. Краинский мог внушать им множество команд, которые они легко выполняли, но, когда он попытался внушить одной из них, что лежащий на столе карандаш — это нож и после выхода из транс она должна этим ножом резать одного из его ассистентов, она взяла карандаш, напряжённо посмотрела на него, но делать ничего не стала. Замечание о сохранении воли позволяет предположить, что если бы кликуши вели более сосредоточенную внутреннюю жизнь, то не заболели бы припадками.

Вообще эксперименты Краинского с гипнозом любопытны. Например, он с убеждением доказывает, что у кликуш можно было обнаружить способности к ясновидению, этими способностями он объяснял их безошибочность в отличении освящённой воды от неосвящённой, способность знать о приезде врача задолго до того, как об этом будет официально известно, и т. п. Эти наблюдения интересны, но для начала XX в. обычны, тогда о возможном существовании сверхспособностей говорили все психологи и психиатры, включая Фрейда. Позднейшие исследования показали, что обычно в экспериментах такого рода не учитывается множество мелких факторов, которые могут повлиять на чистоту проводимого эксперимента, поэтому всерьёз оценивать результаты

несмотря на внушения, вновь забились в припадках. Краинский драматично описывает этот момент: «...это дикое зрелище, с одной стороны, отправляющего церковную службу духовенства, с другой беснующихся, катающихся в корчах кликуш, издающих дикие вопли и богохульства, молчаливая толпа, злобно и недоверчиво озирающая всю эту картину, с выражением суеверного страха и насмешливого недоверия, — всё это производило необыкновенно тяжёлое впечатление» (Там же. С. 166). Из текста видно, что именно социальная роль толпы стала катализатором болезни. Стоит отметить, что первая кликуша-притворщица Василиса стояла весь молебен спокойно с иконой в первом ряду.

39 Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. С. 13.

Краинского в этой сфере, не имея подробных данных о том, как эксперимент проводился, нельзя.

Социальная болезнь

То, что кликушество имеет глубокую социальную основу, Краинский решает обосновать с помощью личных наблюдений за московскими кликушами в местах особо почитаемых святынь, которые, согласно убеждениям, должны помогать в исцелении. Он приходит к выводу, что в Москве кликуши — чаще всего притворщицы, намеренно симулирующие припадки, ищущие признания, бьющие на эффект. Как он замечает, «...кликушеский плач — это общепринятый приём со стороны многих женщин, желающих пробраться поближе к иконам»⁴⁰. Кликуши такого типа бьются и кричат, только пока поблизости нет полиции, для получения какой-либо выгоды, например, удобного места в храме.

Таким образом, Краинский разрабатывает новую теорию кликушества как социального феномена русской народной жизни. Согласно его исследованиям, идея о том, что болезнь развивается из-за плохого просвещения или низкого происхождения, вовсе не подтверждается. Большинство изученных кликуш были из хороших зажиточных семей, обучены грамоте. В последней главе исследования Краинский создаёт модель развития кликушества, которую можно суммировать следующим образом. Исходным толчком для появления болезни должно быть какое-то острое психологическое переживание, обычно имеющее социальный характер (в нескольких случаях это было половое бессилие молодого супруга), оно создаёт благоприятный фон для самонаблюдения. Женщина начинает уделять себе повышенное внимание, прислушиваться к внутренним ощущениям. В таких условиях даже гастрит, который распространён у большинства жителей села, воспринимается как триггер, указывающий на то, что внутри есть нечто инородное. Развитая чувствительность приводит к нарастанию числа симптомов, часть которых может быть связана с плохим питанием и условиями жизни, а какие-то могут быть искусственно созданы организмом. Так, женщина обретает вид «безропотной страдальницы»⁴¹, сохнувшей изнутри (на деле они вовсе не сохнут, а часто имеют вполне здоровый вид).

40 Краинский Н. В. Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. С. 179.

41 Там же. С. 219.

Неудивительно, что убеждённость в том, что в ней сидит иное злобное существо, приводит к мысли о вредности посещения церкви, поскольку злой дух проявит себя при контакте со святыней, поэтому женщина начинает избегать посещения церкви, а если приходит на службу, то напряжённо ждёт особенного момента, которым обычно становится Херувимская, здесь и начинается первый настоящий припадок, окончательно уверяющий в том, что её испортили. «Боязнь святостей» развивается ещё сильнее, припадки начинают повторяться, могут длиться от десяти минут до нескольких часов с перерывами. Если благодаря отчитыванию или иным формам плацебо-терапии болезнь и прекращается, то периодами она может повторяться. Внушаемость создаёт плодородную почву для её лёгкого воспроизведения.

Согласно Краинскому, решающую роль в распространении и поддержании паттернов болезни играет социальный и, в первую очередь, религиозный фактор. Вот как красноречиво он описывает механизм заражения:

«...женщина бесчувственным пластом падает на землю, а впереди, под иконами, стоят десятки деревенских девочек и широко раскрытыми глазами, с возбуждёнными страхом и любопытством лицами, хорошо запечатлевают в своей душе ту картину, которой позже и сами отдадут дань, сделавшись кликушами»⁴².

Причём картины подобного рода зачастую сопровождаются богохульствами, нецензурной бранью, что ещё сильнее запечатлеывает в памяти паттерн кликушества. Известно, что в деревнях припадки кликуш становились порой привлекательным зрелищем, на которое стягивались посмотреть односельчане. Роль церкви здесь была решающей. По наблюдениям Краинского, в России именно монастыри стали центрами распространения эпидемий кликушества. Женщины, чувствующие себя испорченными и ещё не страдающие припадками, либо те, кто только начал падать, часто паломничали по монастырям, где практиковались различные формы излечения от одержимости: прикладывание к чудотворным иконам, помазывание освящённым маслом, наконец, отчитывание. Именно последняя практика имела решающее значение для оформления эпидемий. Отчитки, проводившиеся в церквях, всегда сопровождались ярким вызывающим поведением больных, они кричали на все лады голосами всех возможных животных, бились в разного

42 Краинский Н. В. Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. С. 167.

рода конвульсиях, богохульствовали. Вот как описывает одну из типичных картин тех лет А. Токарский, ставший свидетелем этой практики в исполнении игумена Марка из Московского Симонова монастыря:

«...Когда наступает время отчитывания, на амвоне ставится аналой против царских врат, лицом к которому становится читающий <...> когда та или другая больная бьётся особенно сильно, вырываясь из рук окружающих, раздаётся приказание: “А подайте-ка мне её сюда, пусть-ка она здесь покричит”. И чтение продолжается дальше. Иногда среди беспорядочных слов и звуков, произносимых больными, во время чтения раздаются и ругательства, обращённые к Богу, к церкви, хула на крест <...> не всегда восклицания священника вроде “не смей, замолчи” <...> оказывают своё действие, и больные продолжают кричать и барахтаться. Тогда применяются средства другого характера. Или постукивание Требником по голове, или наступление ногой на больного, или зажимание его головы между ступнями ног читающего, для чего больного тащат к амвону, или удары чётками и пр.»⁴³

Неудивительно, что, вернувшись из паломничества, больная будет распространять эпидемию дальше. Именно так произошло в деревне Ащепково, где и разразилась первая эпидемия, с той лишь разницей, что притворщица Василиса осознанно копировала действия, которые видела у реальных кликуш во время своих паломничеств. То, что религиозные действия играют в истории с кликушеством лишь внешнюю социально-психологическую, а не духовную роль, подтверждает два момента. Первый замечен по эпидемии в Нижегородской губернии, где, по наблюдениям Краинского, церковность жителей была несравненно ниже, чем в Смоленской, зато жители прекрасно ориентировались в практиках колдовства. Эпидемия началась из-за действий местного знахаря, который лечил одну из первых кликуш деревни, на самом деле лишь индуцировал её припадки. Читалки, бабки-знахарки, старобрядцы-беспоповцы зачастую играли ту же самую роль центров излечения и распространения кликушества, что и православные монастыри. Вторым моментом является другое наблюдение, согласно которому в тех местах, где духовенство не поощряло отчитки, силой выдворяло кликуш из церкви, запрещая богохульства и бесчинства, эпидемии не развивались, а кликуши, на которых просто переставали обращать

43 Токарский А. А. Отчитывание больных в настоящее время. С. 6–8.

должное внимание, не выражали болезнь активно, ограничиваясь лишь всхлипами, даже во время Херувимской.

Заключение

Подытоживая, необходимо прежде всего отметить, что Краинский во многом опередил своё время, поскольку, отвергнув концепцию об истерическом неврозе, указал на социальные причины кликушества. В науке гипотеза Шарко была забыта уже в первой четверти XX в., а в 1930 г. вышел один из первых трудов по психологии одержимости «Одержимость, одержимые и прочие среди примитивных рас, в древности, Средние века и Новое время»⁴⁴ Т. Остеррайха, в котором автор отстаивал идею, что одержимость — это болезненные состояния, вызванные самогипнозом. Итак, Остеррайх спустя тридцать лет указал ту же причину болезни, что и Краинский. В 1971 г. в ставшем классическом исследовании «Экстатическая религия»⁴⁵ Йоан Люис показал, что в общекультурном смысле одержимость может быть разделена на две категории: центральная — позитивный опыт, приходящий в ходе ритуального действия, обычно распространённый в архаических религиозных традициях (шаманский транс, одержимость лоа в вуду); и периферическая — выражающаяся в галлюцинациях и конвульсиях, в первую очередь у женщин. Последняя обусловлена социальным фактором и связана с тем местом и положением, которое одержимая занимает в сообществе. Несмотря на то, что кликушество не может быть полностью приравнено к одержимости, выводы Краинского, почти совпадающие с мыслью Льюиса, говорят о высоком научном значении его труда и об оригинальной интуиции, которые лишь подтвердились с годами.

Итак, какую ценность, кроме очевидной историко-культурной, для нас сегодня представляет исследование Краинского? Для нынешней ситуации примечательна идея существования «мысленных эпидемий», распространяющихся через яркие действия и образы. Современная одержимость в России, во многом благодаря значительному культурному влиянию со стороны западного кинематографа и идеологии, не сводится к кликушеству, хотя представления о порче, как источнике

44 *Oesterreich T. K. Possession, Demoniacal and Other, Among Primitive Races, In Antiquity, The Middle Ages and Modern Times. London, 1930.*

45 *Lewis I. M. Ecstatic Religion: A Study of Shamanism and Spirit Possession. New York (N. Y), 2002.*

одержимости, прочно закреплены в сознании обывателей. Вместе с тем неизменными остались практики отчитывания, провоцирующие большое скопление людей, ведущих себя вызывающе и неподобающим для святых мест образом. Если идея Краинского о чрезвычайной силе, с которой паттерны поведения одержимых закрепляются у посещающих такие мероприятия людей, верна, то необходимо максимально ограничивать круг лиц, участвующих в подобных действиях.

Из текста Краинского нельзя заключить, что он скептически относился к вопросам веры, но очевидно, что в кликушестве он видел не столько ложное беснование, сколько болезненное состояние, которое по самому своему проявлению неуместно и чуждо благоговейному устройению церковных служб. Один из главных тезисов его труда заключается в том, что боязнь святостей не может быть критерием отличия истинной одержимости от ложной, скорее наоборот, убежденность в существовании такого критерия и подталкивает кликуш к припадкам при встрече со святынями. Не менее значимыми представляются и замечания Краинского о процессе возникновения расстройства, проистекающем из саможаления, из пристального наблюдения за болезненными процессами в организме. Если принять это во внимание, то налицо и духовно-нравственные причины развития недуга.

Иными словами, учитывая дореволюционный опыт, должно относиться к вопросам, связанным с одержимостью, с максимальной осторожностью, поскольку любое неосмотрительное действие здесь чревато тяжёлыми и разрушительными последствиями для жизни человека.

Источники

Проект документа «Отношение Русской Православной Церкви к современным практикам экзорцизма». [Электронный ресурс]. URL: <https://msobor.ru/document/54> (дата обращения 30.03.2023).

Литература

Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. Санкт-Петербург: Изд. К. Л. Риккер, 1903.

Кавинова И. П. Психическая эпидемия как социальный феномен // Гуманитарный вестник. 2018. № 9 (71). С. 1–17.

Коцовский А. Д. О так называемом «Балтском движении» в Бессарабии // Труды Бессарабского общества естествоиспытателей и любителей естествознания. 1912. Т. 3. С. 147–180.

- Краинский Н. В.* Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород: Губернская тип., 1900.
- Лахтин М.* Бесоодержимость в современной деревне. Историко-психологическое исследование // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 102. С. 141–184.
- Мельникова Е. А.* Отчитывание бесноватых: практики и дискурсы // Антропологический форум. № 4. С. 220–263.
- Никитин М. П.* К вопросу о кликушестве // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1903. № 9. С. 656–668.
- Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1903.
- Токарский А. А.* О вредном влиянии гипнотизирования. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1889.
- Токарский А. А.* Психические эпидемии // Вопросы философии и психологии. 1891. Год IV. Кн. 5 (20). С. 203–223.
- Токарский А. А.* Отчитывание больных в настоящее время // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1904. № 1 (Приложение на правах рукописи). С. 1–30.
- Штейнберг С. И.* Кликушество и его судебно-медицинское значение // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. № 2. С. 64–81.
- Элленбергер Г.* Открытие бессознательного-1: История и эволюция динамической психиатрии от первобытных времен до психологического анализа. Москва: Академический проект, 2018.
- Яковенко В. С.* Психическая эпидемия на религиозной почве в Ананьевском и Тираспольском уездах Херсонской губ. // Современная психиатрия. 1911. Март. С. 191–198.
- Edelman N.* Gustave Boissarie, Jean-Martin Charcot and Sigmund Freud. Three Doctors' Responses to Some Unusual Bodily Phenomena: Convergences and Divergences // Sign or Symptom? Exceptional Corporeal Phenomena in Religion and Medicine in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Leuven: Leuven University Press, 2017. P. 43–54.
- Lewis I. M.* Ecstatic Religion: A Study of Shamanism and Spirit Possession. New York (N. Y.): Routledge, 2002.
- Marshall J. W.* Performing Neurology: The Dramaturgy of Dr Jean-Martin Charcot. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- Oesterreich T. K.* Possession, Demoniacal and Other, Among Primitive Races, In Antiquity, The Middle Ages and Modern Times. London: Kegan Paul and Co., 1930.
- Westerink H.* Demonic Possession and the Historical Construction of Melancholy and Hysteria // History of Psychiatry. 2014. Vol. 25 (3). P. 335–349.